

Несколько замечаний о тексте последних прижизненных изданий романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история»¹

Начавшее выходить в 1997 году Полное собрание сочинений и писем И. А. Гончарова² решило немало вопросов текстологического и источниковедческого характера. Были прочитаны творческие рукописи писателя, составлены варианты прижизненных изданий его сочинений. На основе изучения этого материала принимались решения о выборе источника основного текста того или иного произведения и воссоздавалась его творческая и издательская история.

В этой статье нам хотелось бы вернуться к одному важному вопросу, который, как представляется, требует пересмотра. Речь идёт о реконструкции издательской истории романа «Обыкновенная история» и, соответственно, о том, какое его издание должно быть признано наиболее аутентичным.

При жизни Гончарова роман издавался девять раз. Впервые он был опубликован в журнале «Современник» в 1847 году, в 1848, 1858, 1862, 1868, 1883 и в 1887 годах выходил отдельным изданием, а также включался в состав двух «Полных собраний сочинений» (1884 и 1886–1887).³ В ПСС (как и во всех предыдущих изданиях) роман был воспроизведён по первому тому последнего «Полного собрания сочинений» (идентичному отдельному изданию 1887 года), причём в его текст было внесено 64 правки по предыдущим изданиям.⁴ Формально это соответствует одному из базовых принципов текстологии, согласно которому в качестве источника основного текста произведения кладётся последнее по времени издание, над которым работал автор, и которое, таким образом, фиксирует

---

¹ Эта статья – своего рода побочный продукт работы по подготовке для Академического Полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова текста романа «Обрыв». Её первоначальный, расширенный вариант был завершён в марте 2003 года и тогда же распространён среди коллег-гончароведов. Электронная публикация – на сайте www.ruthenia.ru (8.03.2007).

² Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997–... Далее – ПСС, с указанием тома (римской цифрой) и страницы.

³ Подробное описание источников см.: ПСС, I, 673. Далее ссылки на них даются сокращённо с указанием только года издания.

⁴ См.: ПСС, I, 674–676. В этом издании основной текст «Обыкновенной истории» подготовлен Т. И. Орнатской (варианты печатных изданий – при участии Э. Г. Гайнцевой, С. Н. Гуськова, Н. В. Калининной и И. Д. Якубович); ею же написан раздел комментария, повествующий о творческой истории романа.

проявление его последней творческой воли.⁵ Правомерность такого решения по отношению к «Обыкновенной истории» и является предметом настоящей статьи.

I

Гончаров подходил к переизданию своих сочинений чрезвычайно ответственно. Готовя их, он, как правило, тщательно пересматривал текст, старался следить за корректурой и болезненно воспринимал опечатки. Это особенно наглядно видно на примере «Обыкновенной истории», от издания к изданию которой количество и особенно качество авторских исправлений шло по нарастающей. Так, если в первых отдельных изданиях романа (1848 и 1858) правка сводилась в основном к мелким стилистическим исправлениям и сокращениям текста, то уже готовя третье издание (1862), Гончаров работает над ним гораздо более углубленно.⁶ Столь же «тщательно, <...> во многом даже кардинально» (I, 687) «Обыкновенная история» была переработана для издания 1868, в которое было добавлено несколько «более или менее пространных вставок» (I, 687). Как пишет Т. И. Орнатская, в 1868 Гончаров «проводит <...> и дальнейшую стилистическую правку, причем довольно часто в ранее правленный текст вводит новые уточнения. <...> Можно отметить в новом издании и значительное количество исправлений явно искаженных переписчиком или наборщиком либо не удавшихся самому автору мест...» (I, 688, 689). Таким образом, это издание можно считать важнейшим этапом в творческой судьбе «Обыкновенной истории», достоверным свидетельством проявления авторской воли Гончарова, его скрупулёзности, требовательности к себе и к своему творчеству. Недаром на титульном листе 1868 стоит: «Издание четвертое, вновь исправленное».

Казалось бы, эта тенденция должна была бы прослеживаться и в следующих изданиях романа. Но издание «Обыкновенной истории» 1883 года ставит перед текстологом ряд проблем. Для того, чтобы обозначить их суть, сделаем пространную выписку из комментария к первому тому ПСС:

«Следующее издание романа вышло в 1883 г. и набиралось по тексту 1862 г., а не по тексту 1868 г., как естественно было бы думать. При этом в текст романа было внесено немалое количество новых исправлений и изменений, однако почти ни одно из названных выше сокращений, дополнений, замен и уточнений 1868 г. в новое издание не попало. <...> ...Вызывает недоумение тот факт, что в большинстве своем исправления 1868 г., явно улучшающие, а иногда и прямо исправляющие неблагополучный текст, не попали в новое издание. Закономерно возникает предположение, что писатель или вообще забыл о правке 1868 г., или просто

---

⁵ См., в частности: Основы текстологии / Под ред. В. С. Нецаевой. М., 1962. С. 257; Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 105.

⁶ Описание правки 1862 см.: ПСС, I, 683–687. Характер этой правки позволил Т. И. Орнатской сказать, что текст 1862 был «тщательно переработан».

пренебрег ею. К этому времени ... Гончаров явно не совсем четко помнил последовательность переизданий романа. <...> ...Трудно представить себе, чтобы Гончаров совсем “забыл” о последнем издании при подготовке следующего. Более того, готовя текст по изданию 1862 г., он, видимо, имел перед собой текст 1868 г. Об этом говорит то обстоятельство, что в текст 1883 г. (а потом и в текст 1884 и 1887 гг.) вошел целый слой исправлений, впервые проведенных именно в издании 1868 г.; особенность этих исправлений в том, что они являются мелкими уточнениями, которые трудно, если не невозможно, восстановить по памяти. Так, к 1868 г. восходят исправления: “водой” вместо “водицей” (вариант к с. 176, строка 32); “продолжала она” вместо “начала потом опять” (наст. том, с. 554 и 183); “лучше чемодан вдоль” вместо “лучше чемодан вниз” (вариант к с. 189, строка 14); “не видывал” вместо “я не видывал” (вариант к с. 250, строка 4); “потом ребяческая выходка” вместо “то ребяческая выходка” (вариант к с. 253, строки 33–34); “– Согласитесь ли вы быть” вместо “– Согласитесь ли быть” (вариант к с. 297, строка 11); “Нет” вместо “Нет, нет, нет!” (вариант к с. 312, строка 17) и т. п., – а также добавление: “Александр слушал с некоторым нетерпением и взглядывал по временам в окно на дальнюю дорогу” (наст. том, с. 554, сноски 4). В этом убеждает и другой пример. Так, в реплике Александра из разговора его с Петром Ивановичем об изменившей Надиньке: “Я ее слишком глубоко презираю, – сказал Александр, тяжело вздохнув” (вариант к с. 304, строка 44), – последние два слова появились именно в 1868 г.; по этому изданию они и были введены в текст 1883 г., который в целом, как уже говорилось, готовился по изданию 1862 г.» (I, 689–691).⁷

Что касается «немалого количество новых исправлений и изменений», появившихся в 1883, то о них мы будем говорить ниже. Остановимся сейчас на том, по какому источнику готовился текст для этого издания, и на том, насколько осознанным был выбор этого источника. Ведь если, как сказано в ПСС, Гончаров обращался к 1868, то необходимо ответить на два вопроса:

1) Почему Гончаров, внимательно перечитав 1868 (в противном случае он не мог бы заимствовать из него мелкие поправки для нового издания), взял за основу не его, а вернулся к 1862?

2) Почему на титуле 1883 это издание названо четвёртым, хотя, как утверждается в ПСС, Гончаров имел под рукой 1868, на котором, повторим, было обозначено: «Издание четвертое, вновь исправленное».

Ответить на оба эти вопроса можно только следующим образом: при подготовке 1883 Гончаров не только не имел перед собой 1868, но, види-

---

⁷ Ср.: Орнатская Т. И. 1) «Необыкновенная история» с «Обыкновенной историей» И. А. Гончарова: (К проблеме выбора источника основного текста) // ТОДРА. В честь 90-летия акад. Д. С. Лихачева. СПб., 1996. Т. 50. С. 293–302; 2) «Обыкновенная история»: Критика текста // Современная текстология: Теория и практика. М., 1997. С. 120–133; 3) «Обыкновенная история» и «Обломов» // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвящённой 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 36–38.

мо, даже забыл о его существовании. Утверждение же, что в 1883 из 1868 перешли многочисленные «мелкие поправки», ошибочно. Оно опирается на свод вариантов прижизненных изданий «Обыкновенной истории» в ПСС, при составлении которого было сделано немалое количество (свыше семидесяти) пропусков, неточностей и недочётов. Здесь не место давать подробный список этих ошибок: надеемся, все они будут исчислены в последнем томе ПСС. Обратим внимание лишь на те, которые отменяют приведённые выше суждения. Будем придерживаться примерно того же порядка, в каком они указаны в процитированном фрагменте из комментария:

1) слова: «продолжала она» (с. 183, строка 26) действительно появляются лишь в 1883, но в 1868 нет ни их, ни предыдущего варианта «начала потом опять»;

2) варианты «лучше чемодан вдоль» (с. 189, строка 14), «потом ребяческая выходка» (с. 253, строки 33–34), «Нет» (с. 312, строка 17) восходят не к 1868, а к 1862;

3) местоимение «я» во фразе «я не видывал» (с. 250, строка 4) исчезает лишь в 1887;

4) местоимения «вы» во фразе «— Согласитесь ли вы быть» нет ни в одном издании от «Современника» до 1868 включительно;

5) фраза «Александр слушал с некоторым нетерпением и взглядывал по временам в окно на дальнюю дорогу» (с. 183, строки 23–24) добавлена в 1883, ни в одном из предыдущих изданий её нет;

6) слова «тяжело вздохнув» (с. 304, строка 44) возникают не в 1868, а уже в 1862, что, кстати, видно и из вариантов ПСС (I, 581).

Таким образом, мы видим, что в 1883 из 1868 перешёл только один вариант, а именно «водой» вместо «водицей» (с. 176, строка 32). Едва ли можно представить, что для того, чтобы изменить одно это место, Гончаров обращался за справкой к 1868. Скорее всего, этот вариант в 1883 имеет независимый характер.

Однако внимательный анализ разночтений текстов различных изданий задаёт другую загадку. Дело в том, что некоторые варианты 1883 восходят непосредственно к 1858, минуя 1862 и 1868. Назовём их:

1) Часть I, гл. II. «Сосед там – так настоящий сосед, живут рука в руку, душа в душу; родственник – так родственник: умрет за своего... эх, грустно!» (с. 206, строки 26–29). Так эта фраза читается в «Современнике», 1848 и 1858; в 1862 снимаются слова «умрет за своего... эх», нет их и в 1868. Однако в 1883 они появляются снова.

2) Часть II, гл. I. 1858: «...сказал Александр, растерянный и совершенно уничтоженный этим упреком...» (с. 330, строки 13–14). В 1862 это место меняется на «...сказал Александр, растерянный этим упреком...», а в

1868 на «...сказал Александр, уничтоженный этим упреком...» Тем удивительнее, что в 1883 мы видим частичный возврат к 1858: «...сказал Александр, растерянный и совсем уничтоженный этим упреком...»

3) Там же. 1858: «Ему только бы похвастаться, – вот чтоб о нем говорили, что он в связи с такой-то, что его видят в ложе у такой-то, или что он на даче сидел вдвоем на балконе поздно вечером...» (с. 346, строки 5–8); в 1862 из этой фразы исчезают слова «вот», «его» и «сидел»; в 1868 она была переработана. Однако в 1883 снова возникает слово «сидел», слово же «его» в текст ПСС вводится как поправка (I, 675).

4) Часть II, гл. IV. Случай сложнее. Фрагмент, читающийся в «Современнике», 1848 и 1858 так: «...будущее было одето туманом, но не тяжелым, удушливым туманом, предвещающим ненастье, а утренним...», в 1862 был переработан: «...будущее было одето туманом, предвещающим не ненастье, а утренним...» (тот же текст перешёл в 1868). В 1883 видим следующий вариант: «...будущее было одето туманом, но не тяжелым, предвещающим ненастье, а утренним...» (с. 389, строки 11–12). Мы уверены, что слова «удушливым туманом» просто выпали при наборе 1883. Но даже если это не так, если даже правка произведена сознательно, то всё равно правился текст 1858, а не 1862 или 1868.

5) Там же. В 1862 и 1868 отсутствует имеющаяся в 1858 реплика Александра, обращённая к Лизе: «– Да; а что?» (с. 404, строка 9).

6) Часть II, гл. VI. 1858: «Там на каждом шагу он встречал в людях невыгодные для себя сравнения... Там он так часто падал...» (с. 445, строки 26–27). В 1862 и 1868 слова «Там он» исчезают и снова появляются в 1883 (правда, со строчной буквы).

Как можно объяснить этот поразительный факт? Конечно, мы далеки от утверждения, что Гончаров тщательно просмотрел текст 1858 и указанные выше мелочи перенёс оттуда в 1883. У нас есть другое объяснение. Но, чтобы оно показалось более убедительным, выскажем его уже после того, как проанализируем, какую работу Гончаров совершил, готовя 1883.

II

Характер изменений в 1883 уже не раз привлекал внимание исследователей, которые высказывали о нём сходные между собой суждения. Е. А. Краснощёкова считала, что перерабатывая «Обыкновенную историю» в 1883 году, «Гончаров смотрел на него с высоты опыта уже трех реалистических романов, поэтому он вычеркивал те куски, в которых ему изменяло чувство меры: реплики Александра Адуева, слишком уж “в

люб” обнаруживающие его наивный романтизм, обличительные заявления Петра Адуева, в которых откровенно утрируется облик его оппонента».⁸ Эта точка зрения была поддержана О. А. Демиховской, писавшей: «Текст романа подвергся авторской творческой переработке, главным образом, в тех случаях, когда восстанавливались купюры из первых трех изданий, аннулированные или сильно сокращенные в четвертом (1868 г.) издании, но не в прежнем виде. Это касается рассуждений или лирических отступлений, в которых теперь убираются длинноты. Идет стилистическая правка, преследующая утверждение объективного письма. Главная забота автора – изящество и простота стиля».⁹

Синтезированы эти суждения были Т. И. Орнатской в комментарии к ПСС, окончательный вывод которой звучит так: «...правка текста для издания 1883 г. была не меньшей по объему и не менее значимой в смысловом отношении, чем в предыдущих изданиях. Кроме того, текст 1868 г., подготовленный столь тщательно, не может считаться окончательным текстом, т. е. текстом, в котором с наибольшей полнотой проявилась последняя авторская воля. Таковым является лишь текст 1883 г., который в дальнейшем по сути более не перерабатывался...» (I, 694).¹⁰

Но действительно ли правка 1883 была столь значительной, как о том пишут все исследователи? Мы не можем согласиться с этим. Почему-то никто не обратил внимания на тот факт, что вся значимая и серьёзная правка 1883 затрагивает только первую и начало второй главы романа, дальнейший же текст переходит в это издание из 1862 практически без изменений. Более того, мы можем совершенно точно указать, на каком месте работа Гончарова над новым изданием заканчивается. Последняя поправка была внесена им во фразу «Точно крупная славянская грамота <...>; писано без знаков препинания, с титлами» (с. 195, строки 2–5), из которой он вычеркнул два последних слова.

Дабы не быть голословными, продемонстрируем правку 1883, произведённую Гончаровым в первой и начале второй главы «Обыкновенной истории»:

---

⁸ Краснощёкова Е. А. Примечания // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1977. Т. 1. С. 511.

⁹ Демиховская О. А. И. А. Гончаров в работе над романом «Обыкновенная история» // И. А. Гончаров: (Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года). Ульяновск, 1992. С. 133.

¹⁰ Здесь резонно задать вопрос: если в 1883 «с наибольшей полнотой проявилась последняя авторская воля», то почему в качестве источника основного текста было выбрано не это издание, а 1887, где есть лишь «мелкие исправления», которые, по утверждению комментатора, «могли быть сделаны и не Гончаровым (во всяком случае, часть из них), а лишь по согласованию с ним или даже без согласования...» (I, 695)?

С., строка	1862	1883
172, 18	Впрочем, она была добрая барыня и многое спускала; но шуметь, когда спит Сашенька, не угодить ему, не исполнить скоро его желания – беда!	—
173, 32	Хорошо, что барыне было не до чаю, а то бы дала она ей знать!	—
174, 5	полутоном ниже,	вздыхая и
175, 13–14	—	Подле него и сидеть-то тошно – свинья свиной!
175, 41	заботливой рукою	заботливой рукой
176, 3	одной рукой	одною рукою
176, 38	Он стал завтракать, а Анна Павловна	Анна Павловна
179, 5	<p>Ожидает и требует возмездия та любовь, которая не дается даром, но которую, Бог знает почему, называют <i>бескорыстной</i>. А между тем ей отдайте всё, прославляйтесь или унижайтесь для нее, трудитесь или бездействуйте, расширьте крылья и летите орлиным полетом, или свернитесь собачкой у ног красавицы, в случае надобности отдайте и жизнь.</p> <p>Все эти бледные, задумчивые <i>избранницы</i>, с голубыми глазами, которые твердят о таинственной <i>симпатии душ</i>, о <i>предугаданной встрече</i> с милым и которые в дыхании ветерка и в шепоте струй слышат его голос, и те пламенные <i>смуглянки</i>, которые, в порыве ревности, хватаются за кинжал, и те кроткие, вечно улыбающиеся красавицы, с томным взором и каштановыми волосами, – все они любят в своем предмете блеск славы, ума, изящества, или, по крайней мере, денег. Перед ними надо сиять, возвышаться над толпой, делать чудеса, заставлять и красавицу гордиться вами; или, уж если этим ослепить нельзя, так надо ослепить подарками: тогда и посыплются на вас мирты и очаруют вас ласки, слезы; тогда и настанут <i>прогулки при луне</i>, <i>бессвязные</i>, но <i>полные прелести разговоры</i> и все таинства любви! А нет этого, не сияете вы ничем, так не прогневайтесь, вы не нужны, вам изменят, охладят к вам... возьмут другого, который сияет.</p>	—

	Не изменяет и не охладевает только любовь матери: ее ни уменьшить, ни подкупить ничем нельзя. Век свой одна и та же.	
179, 8-9	она плачет и смеется, и шепчет: «это мой!» А там затеплит лампадку перед образом Спасителя и молится долго и жарко.	она плачет, смеется и молится долго и жарко.
179, 18-19	В эту пору осторожные родители не дают детям ни вина, ни кофе, потому что у них-де и без того кипятки в крови. Как же тут усидеть на одном месте? Особенно надо представить себе в этой поре Александра Федорыча. Ему от пелен улыбалась жизнь	Жизнь от пелен ему улыбалась
179, 24	был к нему как-то ласковее	был к нему, кажется, ласковее
179, 36	в зрелой поре	на склоне жизни
180, 2-3	двадцать две науки три искусства и еще два-три предмета – ни науки, ни искусства, а так, Бог знает что	с дюжину наук да с полдюжины древних и новых языков
180, 4	И стихи, и проза	Стихи
180, 15	<p>Любовь мужчины – это что-то чрезвычайно сложное. Он любит и одну женщину и многих женщин вдруг, и почести, и кло-де-вужо, и лошадей, и часто любит все одинаково и вдруг, а иногда и вовсе может обойтись без любви. Женщина сосредоточивает чувство по большей части на одном предмете. Иногда она и меняет его, но все-таки на одного. Если некого любить, она выдумает себе и любовь и любовника. Выдуманный любовник называется идеалом, и она любит идеал. Если уж вовсе некого любить, женщина привяжется к цветку, к собачке, и все любит до конца жизни, до последнего издыхания.</p> <p>И сама природа оправдывала Александра. Она распорядилась так, что дети почти никогда не платят в возмездие родителям тою же любовью, а ищут впереди себя другой, не кроткой и мирной, а с волнениями, страданиями и слезами.</p>	—
181, 21	Теперь манишки. Посмотри, как вымыты и выглажены. Ну где им там выгладить так?	—
181, 31	Не можешь	Не может

181, 41	такого сраму наделала! а еще учная: все книжки читает.	такого сраму наделала!
182, 3-6	- Ну, Саша, <...> ты теперь едешь на чужую сторону: Бог один знает	- Ну, Саша, <...> ты теперь едешь на чужую сторону... - Какая «чужая» сторона, Петербург: что вы, маменька! - Погоди, погоди - выслушай, что я хочу сказать! Бог один знает
182, 15	пред	перед
182, 27	—	Она вздохнула.
182, 32-33	Мать поняла его молчание.	Мать поняла его молчание и опять вздохнула.
183, 23-24	—	Александр слушал с некоторым нетерпением и взглядывал по временам в окно, на дальнюю дорогу.
183, 26	начала потом опять	продолжала она
183, 30	Есть такие злодеи, что для них ничего нет святого: они и этакой драгоценности не пожалеют.	—
183, 33	Буду беречь твое добро пуще глаза, а там, как воротишься, женишься - сам как хочешь и распоряжайся.	—
183, 37	Книг много не покупай - зачем? их у тебя и так куча: в век не перечитаешь. Ты и так учен - не всё же учиться, когда-нибудь надо и бросить. А то этак долго ли уходить себя? Ты не учитель какой-нибудь! Я без тебя книги-то вело в чулан спрятать.	—
183, 37-38	Не предавайся вину - ох, вино! первый враг человека!	Не предавайся вину - ох, оно первый враг человека!
183-184, 43-1	—	- Довольно, маменька: я бы позавтракал? сказал он почти с досадой. - Сейчас, сейчас... еще одно слово...
184, 2-3	продолжала она, - великий грех!	спешила она досказать, - это великий грех!
184, 8	у другого какого-нибудь	у какого-нибудь
184, 18-19	Деревенская девка!	Деревенская девушка!
184, 28-30	- Забыть вас! маменька! как могли вы подумать? Пусть Бог накажет меня... Анна Павловна побледнела.	- Вот до чего договорились, - перервал он, - велите скорей подавать

		что там у вас есть: яичница, что ли? Забыть вас! Как могли вы подумать? Бог накажет меня...
185, 38 ¹¹	уведомить	уведомит
186, 4	<p>«Ты бы лучше написал», – скажет жена; но писать для многих еще у нас на Руси такой труд, что иному гораздо легче съездить за десять верст или послать человека с словесным запросом, чем написать несколько строк. «Вот, – скажет он, – поди отыскивай чернильницу! а где она? чай, давно ребятишки забросили. Посылай за чернилами к дякону или к приказчику да чини перо; еще и бумаги не найдешь в доме, а главное – сиди часа три и выдумывай слова. Бог знает, как и ставить их: иное можно поставить рядом и с тем и с этим, а где именно нужно, Бог вест! Ведь это же самое дело расскажешь на словах, как по маслу идет, а чуть обмакнул перо в чернила – и не то, и нейдет: или все слова вдруг суются, не знаешь, которое первое написать, – или ни одно нейдет, да и написать надо гораздо мудренее, нежели говоришь, а вот тут-то и надо уметь выдумывать слова! Нет! уж лучше пусть Антон Иваныч съездит: то ли дело, как живой человек расскажет?» И они правы, добрые люди: умей они выдумывать и расставлять слова, тогда Антон Иваныч хоть заживо в гроб ложись!</p> <p>При обрядах он тоже не без дела. Например, кто подержит блюдо с кутьей или образ? Он. Кто подаст обручальные кольца? кто всегда в свите жениха? кто подскажет на крестинах куму и куме, что надо плюнуть и дунуть, и кто сам вместе с ними плюнет и дунет? кто объяснится со священником, заплатит ему деньги? Всё он! Как случится надобность в подобной услуге, уж несколько голосов и кричат: «Антон Иваныч! Антон Иваныч!» Антон Иваныч и бежит. У кого</p>	—

¹¹ Это изменение справедливо сочтено редакцией ПСС опечаткой и исправлено.

	<p>домашний совет – его зовут непременно, хотя он еще не дал никому ни одного совета, ни одного спора не решил, даже не сказал при споре ни одного дельного слова. Да от него этого и не требуют: он очень удивил бы, если б сказал это слово, если б дал совет: слова его и не послушали бы, совета не приняли бы. Им нужно только, чтоб он тут был, а спросите зачем? они скажут:</p> <p>– Ну как зачем?.. – и остановятся, а потом прибавят: – ум хорошо, а два лучше.</p>	
186, 14	<p>Умрет ли такой человек, он долго еще живет в памяти бестолковых.</p> <p>– Вот, покойный Антон Иваныч, – говорят о нем, – любил жареных карасей, – когда подадут карасей.</p> <p>– Эх, нет Антона Иваныча! то ли дело было при нем?</p> <p>– Это еще при Антоне Иваныче было; он еще тогда вот тут сидел!</p> <p>И так вспоминают о нем беспрерывно и долго, а часто забывают человека, который внутренно и незаметно жил своим присутствием весь круг, где был центром. Так ветреное дитя плачет о смерти собачонки и не чувствует минуты, когда само становится сиротой.</p>	—
187, 39	никогда даже не казаться умнее его	никогда не казаться умнее его
187, 43	образование груди	пышность груди
188, 7	Агафье Никитичне	Агафье Никитишне
188, 16	<p>– Что вы, Антон Иваныч? – сказала Анна Павловна, улыбаясь.</p> <p>– Ей-богу, нахватает: вот помяните мое слово! где у нас этакие-то?</p>	—
188, 39	<p>У Никанора Михеича, что ли, сынок? – да это просто зверь! – попробуй-ка захватить, так непременно какую-нибудь пакость надо мною и сотворит: или ночью сапоги унесет, или платье выворотит, не то так пуговицы у сюртука отрежет; наведни котенка под подушку посади! ведь этаким сорванец! я думал, мышь, да ночью-то босиком выбежал на двор – сам ни жив ни мертв, так и трясусь, а он хохочет. Я словно мученик какой-нибудь дался ему. Что он, за хлеб за соль, что ли, так насмехается? так я</p>	—

	<p>не нуждаюсь: мне, слава Богу, везде двери открыты, ешь – не хочу. Да и добро бы разлитое море было, а то в доме, поверите ли, насили пустых щей дождешься, а лошадь так некормленная и простоит.</p> <p>Анна Павловна покачала головой.</p> <p>– Да вас, Антон Иванович, везде обеими руками примут, – сказала она.</p>	
189, 9	Как мухи сладкую каплю, так люди облепили повозку	Как мухи сладкую каплю, люди облепили повозку
189, 12	со съестным	с провизией
189, 14	и сбоку поставить	сбоку поставить
189, 43	сказал повелительно	повелевал
190, 14	– Откуда ты, как? – спросил Адуев.	– Откуда ты, как?
190, 30–31	– Александр Федорыч!.. – Софья Васильевна!.. – сказали они, и слова замерли в поцелуе.	– Саша! Милый Саша!.. – Соничка!.. – шептали они, и слова замерли в поцелуе.
191, 10	целуя	целуя
191, 44	ручьем текущие слезы	капавшие слезы
192, 20	поцеловал	поцеловал
192, 41	Кланяйтесь же, батюшка	Кланяйтесь
193–194, 40–6	<p>Он был из тех высоких, пропорционально сложенных мужчин, которые своим видом, походкой, прямизной талии, отчасти полнотой, как-то напоминают, уже не Аломона Бельведерского – это тип юношеской стройности, – а фигуру центавра – что-то массивное, но вместе стройное и легкое, то, что у нас называют <i>bel homme</i>. Черты лица его были крупны и правильны, но в них не выразилось ни добродушия, ни злости, ни великого ума и еще менее глупости, а какое-то холодное спокойствие, которое, впрочем, не пугало и не отталкивало никого; но что вы ему ни расскажите, что ни сделайте перед ним – сыграйте драму, водевиль, моцартова дон-Жуана или спойте «во саду ли в огороде», скажите ему чрезвычайно умную вещь или великую глупость, – он всё одинаково смотрит и слушает: не плачет, не хохочет. Напрасно старался иной остроумник заставить его захохотать – много, много, если удачная острота вызвала улыбку. Напрасно и приятель бежал</p>	<p>Он был высокий, пропорционально сложенный мужчина с крупными, правильными чертами смугло-матового лица, с ровной, красивой походкой, с сдержанными, но приятными манерами. Таких мужчин обыкновенно называют <i>bel homme</i>.</p> <p>В лице замечалась – также сдержанность, т. е. умение владеть собою, не давать лицу быть зеркалом души. Он был того мнения, что это неудобно – и для себя и для других.</p>

	сломя голову, чтоб прежде всех поразить его неожиданною и печальною новостью, – этого никогда не удавалось. Петр Иванович выслушает эту новость так, как будто он уже слышал о ней прежде. Никогда ни хорошее, ни дурное впечатление не выводило его из себя.	
194, 8-10	—	Иногда лишь видны были на нем следы усталости, – должно быть, от усиленных занятий. Он слыл за деятельного и делового человека.
195, 4-5	без знаков препинания, с титлами	без знаков препинания

В следующей же таблице приведены разночтения между 1862 и 1883 в остальном тексте романа:¹²

С., строка	1862	1883
195, 41*	Есть у нас	Есть у вас
203, 11-12	покажешь ему комнату и поможешь им там	покажешь им комнату и поможешь там
205, 22	и сказать	сказать
205, 28	вольно	свободно
205, 40**	раков и раковины	раков и раковин
212, 34*	по ровну	по ровно
214, 32	прозябение	прозябание
234, 29*	прибавлял	прибавил
234, 42	явилось в печати	явилось
237, 12	физиономии	физиономия
252, 36	примолвил	промолвил
253, 21	из-за облак	из-за облаков
255, 19	примолвив	промолвив
255, 38	беспокоим	обеспокоим
258, 6	далее	долее
290, 4	В обоих! сказал Адуев с отчаянием.	В обоих! мрачно произнес Адуев.
290, 40	неподвижно	неподвижна
297, 11	Согласитесь ли быть	Согласитесь ли вы быть

¹² Разночтения, истолкованные в ПСС как опечатки и исправляемые по предыдущим изданиям, отмечены звёздочкой; не отмечены в таблице и варианты, напрямую идущие из 1858. Двумя звёздочками отмечены разночтения, не попавшие в список вариантов ПСС. Нерелевантные фонетические разночтения (цаловать / целовать; фигурировать / фигурировать; материальных / материальных и пр.), большая часть которых не попала в список вариантов ПСС, в таблице не отражены.

299, 44	молчал	смолчал
301, 34*	объяснять	объяснить
302, 23	к брани и клевете	к клевете
313, 4**	Язык Петрарка и любви...	Язык Петрарки и любви...
313, 42**	с нею	с ней
317, 21	кончить	докончить
327, 28	примолвил	промолвил
330, 13-14	растерянный этим упреком	растерянный и совсем уничтоженный этим упреком
332, 17	Она кончила вздохом.	—
333, 3	примолвила	промолвила
333, 9	примолвила	промолвила
338, 29	не зайду	не заеду
338, 40*	видала	видала
344, 40	примолвил	промолвил
346, 7-9	на даче вдвоем на балконе	на даче сидел вдвоем на балконе
348, 4	в среду	в среду
353, 26	как-то все не кстати	как-то не кстати
354, 34	не насажут	не скажут
357, 39*	Он и слушать ничего не хочет	Он слушать ничего не хочет
360, 22-23	мимо его	мимо него
363, 31	приставив	приставил
366, 6	с собой	сам с собой
366, 11	по-латыне	по-латыни
366, 16	чтоб забыть	чтобы забыть
366, 30	замужство	замужество
377, 22	стараясь	старалась
395, 14	примолвил	промолвил
403, 4	Вальтера-Скотта	Вальтер-Скотта
403, 15	пхал	пихал
406, 10*	Она вздохнула.	Она вздрогнула.
406, 11	примолвила	промолвила
411, 33	Но толпа еще слушала.	—
419, 23-25*	ожидал бы счастья в будущем; с этим ожиданием я дожид бы до тех пор	ожидал бы до тех пор
424, 19	примолвила	промолвила
425, 22	Я здесь десять лет	Я здесь восемь лет
426, 10	ключа	ключей
429, 10	как ни унимали	как ни удерживали
431, 1	а то в рожь было забрел	а то в рожь бы забрел
433, 10	нашел чего	нашел что
433, 35	позвать	послать
434, 5	примолвила	промолвила
435, 29	примолвила	промолвила

436, 40	примолвила	промолвила
440, 2	примолвил	промолвил
447, 8	Белокудые	Белокурые
449, 7	целить	исцелить
457, 37	стеснить	стеснять
463, 43*	зачем женятся	зачем жениться
464, 44	Покажи-ко	Покажи-ка
466, 18-19	не станете помнить о них	перестанете колоть мне ими глаза

Как видим, в первой и начале второй главы (объёмом менее $\frac{1}{10}$ текста всего романа) Гончаров сделал около пятидесяти изменений, которые в основном касаются крупных фрагментов текста: снимаются и добавляются куски, меняются формулировки и т. п. Изменений, касающихся отдельных букв и форм слова, совсем немного, и они выглядят случайными. В следующих же $\frac{9}{10}$ текста есть лишь около семидесяти изменений, из которых 9 в ПСС трактуются как опечатки, а 13 – это замена типично гончаровского слова «примолвить» (т. е. «прибавить») на нейтральное «промолвить». Следовательно, более или менее значимых изменений в оставшемся тексте романа – всего около пятидесяти, и в основном они касаются одной-двух букв в слове. И далеко не все из них могут быть бесспорно приняты за авторские. Присмотримся к ним поближе.

1) С. 214, строка 32: «прозябение» меняется на «прозябание», причём в комментарии первая форма трактуется как устаревшая (см.: I, 693). Однако, в словаре В. И. Даля, изданном в 1880 году, эти формы фигурируют как равноправные.

2) С. 253, строка 21: несколько архаичное «из-за облак» меняется «из-за облаков», но в переизданном тогда же «Фрегате “Паллада”» остаётся первая форма (см.: II, 104, строка 25).

3) С. 258, строка 6: мать Надиньки упрекает Александра Адуева, что он опоздал к обеду: «Ах да: что ж вы к обеду не пришли? мы вас ждали до пяти часов», на что тот отвечает: «...я никак не мог <...>: служба задержала. Я вас прошу никогда не ждать меня далее четырех часов». В последней фразе «далее» меняется на «долее», и она сразу теряет смысл. Ведь «ждать не далее четырех часов», это означает, буквально говоря, «ждать только до 16.00», а «ждать не долее четырех часов» – это «ждать в продолжение четырех часов, но не больше». Едва ли Любецкие могли ждать Адуева столь продолжительное время.

4) С. 425, строка 22: «десять лет» меняется на «восемь лет». В ПСС эта замена объясняется так: «Гончаров внимательно отнесся к указанию о числе лет, проведенных Александром в Петербурге до его возвращения в Грачи. <...> Гончаров, очевидно, исходил из того, что в главе I части пер-

вой герою 20 лет, в Грачи он приезжает 28 лет, проводит так “года полтора”, уезжает обратно в Петербург в возрасте 30 лет, а в Эпilogue, в котором действие происходит через четыре года, ему идет 35 год» (1, 694). Однако эту замену можно объяснить гораздо проще: на предыдущей странице дважды упоминается, что Адуев-младший провёл в Петербурге восемь лет (с. 424, строки 11 и 36). Но ведь фраза про «десять лет» находится во внутреннем монологе Александра, который, несомненно, «романтически» округляет количество времени, прожитого им в столице. Столь же очевидно, что фраза эта исправлена «заинтересованным», «вдумчивым» корректором (истинным бичом авторов и текстологов!), который не мог допустить, что на соседних страницах приводится противоречивая информация – и унифицировал её.

5) Интересен случай замены «Я уж не зайду сюда» на «Я уж не заеду сюда» (с. 338, строка 29). Если всмотреться в контекст, нельзя не увидеть, что это изменение совершенно лишено смысла. Вспомним ситуацию: Александр читает свою повесть, его слушают дядюшка и его жена. Когда Адуев-младший заканчивал чтение, Адуев-старший позвонил и велел готовить одежду для клуба, куда он собрался поехать поиграть в вист; сразу после окончания чтения он «проворно пошел вон», говоря: «Ну, до свиданья! <...> Я уж не зайду сюда». Речь идёт о том, что дядюшка не собирается возвращаться в комнату, где происходило чтение, а сразу поедет в клуб после того, как переоденется, и поэтому прощается. Но как же он может в комнату «заехать»?

6) Два изменения – «послать» вместо «позвать» (с. 433, строка 35) и «Белокурые» вместо «Белокудрые» (с. 447, строка 8) – явные погрешности набора, так как в 1862 эти слова попадают на перенос строки. Столь же очевидной опечаткой является замена «было» на «бы» во фразе: «Еще я пугнул его, а то в рожь было забрел» (с. 431, строка 1); сходная опечатка есть и в тексте «Обрыва» издания 1886 года: «Он стал бы учиться» вместо «Он стал было учиться» (часть I, гл. VI).

С нашей точки зрения, как сознательная работа над текстом могут быть приняты только четыре варианта:

- 1) «вольно» / «свободно» (с. 205, строка 28);
- 2) «как ни унимали» / «как ни удерживали» (с. 429, строка 10);
- 3) «В обоих! сказал Адуев с отчаянием» / «В обеих! мрачно произнес Адуев» (с. 290, строка 4);
- 4) «не станете помнить о них» / «перестанете колоть мне ими глаза» (с. 466, строки 18–19).

К слову заметим, что третий вариант из этого списка, кому бы он ни принадлежал, едва ли можно признать удачным. Во-первых, речь идёт об ушах, о которых вряд ли можно сказать «в *обеих*»; во-вторых, ниже через строку мы видим ремарку «произнес Адуев» – кажется невероятным, что-

бы всегда бережно относившийся к слову Гончаров позволил бы себе таковой повтор:

«– В котором ухе звенит? – кричала мать, – да поскорее!

– В обеих!¹³ – мрачно произнес Адуев.

– Экие какие, в левом! А я загадала, будет ли граф сегодня.

– Граф! – произнес Адуев».

Почему же Гончаров, так активно и ответственно начавший пересматривать текст «Обыкновенной истории» для нового издания, вдруг словно махнул на него рукой? Почему, вычеркнув из первой главы текст объемом более тысячи (!) слов, во всем остальном романе он не вычеркнул и десятка, ограничившись странными заменами, касающимися в основном отдельных букв? Ответ на это можно получить, обратившись к биографии писателя, а именно к очень короткому её периоду – с конца 1882 года и до выхода 1883.

III

О том, что происходило с Гончаровым в этот период его жизни, нам уже приходилось подробно писать,¹⁴ поэтому здесь будем по возможности кратки.

22 октября 1882 года Гончаров был принят императором Александром III. «...Я до сих пор еще нахожусь под обаянием благосклонного приема, – общал он А. Ф. Кони в письме от 11 ноября. – <...> Я вышел совершенно очарованный: мне как будто подвязали крылья. Вы как будто угадали, говоря в письме, что мне надо бы “повелеть” издать мои книги: хотя повеления не было, или если было, то в форме вопроса: “печатаю ли я свои сочинения?” Я конечно поспешил отвечать утвердительно, и даже испросил позволения сам лично представить их, когда они будут готовы. Вследствие этого, неделю тому назад, я подписал контракт, которым уступаю мое авторское право на все сочинения Глазунову».¹⁵ Немного ниже в том же письме Гончаров говорит, что «книги выйдут в печать, вероятно, не ближе осени». Очевидно, что писателю нужен был срок, чтобы заново пересмотреть тексты своих романов и других сочинений, как он это делал каждый раз до этого.¹⁶

---

¹³ В ПСС без оговорок исправлено на «обоих».

¹⁴ См.: Балакин А. Ю. О проблеме выбора основного источника текста романа И. А. Гончарова «Обрыв» // Русская литература. 2002. №3. С. 74–76. Впервые на обстоятельства подготовки первого «Полного собрания сочинений» Гончарова обратила внимание Л. С. Гейро; см.: Гейро Л. С. 1) О проблемах научного издания Гончарова // Русская литература. 1982. № 3. С. 125; 2) История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И. А. Обломов. («Лит. памятники»). / Изд. подг. Л. С. Гейро. Л., 1987. С. 631–636.

¹⁵ Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 479.

¹⁶ Кроме того, согласно свидетельству С. Ф. Либровича, относящемуся к 1870-м годам, Гончаров однажды сказал, что если бы он собрался заново выпустить свои сочинения, то «следовало бы кое-что исправить, переделать, сократить...» (И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Подг. текста и примеч. А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л., 1969. С. 160).

И Гончаров с увлечением взялся за дело – но успел пересмотреть лишь начало «Обыкновенной истории», как был настигнут тяжёлой болезнью, которая практически лишила его зрения: правый глаз полностью перестаёт видеть, в левом усиливаются боли. Врачи запрещают ему читать и писать, рекомендуют сидеть в темноте. Кроме того, часть писем он вынужден диктовать, а для чтения нанимает рекомендованную ему чтицу – писательницу Л. Ф. Нелидову, оставившую об этом воспоминания.¹⁷ Угнетённое состояние духа Гончарова отмечали близкие люди, посещавшие его. «Злой недуг сокрушил его и жадно гложет, – писал 16 февраля А. Ф. Кони М. Г. Савиной. – Он омрачил его зрение, и мне тревожно думается, что смерть уже понемногу распространяет над его старою заслуженною головою свое черное крыло. <...> Навестите! утешьте старика. <...> Тороплю Вас потому, что третьего дня мне особенно бросилась в глаза подавленность и близость разрушения в этом старце...»¹⁸ Полный самых дурных предчувствий, Гончаров в мае того же года составляет завещание и делает некоторые другие распоряжения.

Таким образом, поставленные в конце предыдущей подглавки вопросы находят своё простое и логическое объяснение. Гончаров начал серьёзно пересматривать текст своих романов, начиная с «Обыкновенной истории», но был застигнут серьёзно болезнью в самом начале этой работы и продолжить её не смог.

Объяснить же наличие в 1883 вариантов, идущих непосредственно из 1858 и миновавших 1862 и 1868, по нашему мнению, можно только одним: при подготовке 1883 Гончаров пользовался не *изданием 1862*, а каким-то промежуточным текстом. Это могло быть издание 1858 с внесённой правкой для 1862. Но скорее всего, это был неправленный корректурный оттиск 1862, в котором не были учтены последние мелкие изменения, отразившиеся в тексте готовой книги.¹⁹ Если принять эту точку зрения, то гипотетически можно объяснить и те четыре несомненных варианта 1883, о которых мы писали выше. Видимо, это исправления, сделанные Гончаровым в наборном оригинале для 1862, но отменённые им на этапе вёрстки.

Возможность высказанной выше гипотезы подкрепляется и тем, что сам Гончаров не хранил у себя своих книг. «...я не возобновляю издания своих сочинений, – писал он переводчику П. Г. Ганзену 12 марта 1878 года, – хотя их давно, кроме “Обрыва”, в продаже нет, и даже нет и у меня самого, в моей маленькой библиотеке. Если я найду где-нибудь последнее издание “Обык<о>венной истории”, я долгом сочту доставить его к

---

¹⁷ См.: Нелидова Л. Ф. Воспоминания о Гончарове и Тургеневе // Лит. наследство. 1977. Т. 87. С. 32.

¹⁸ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 56–57.

¹⁹ Некоторые мелкие детали технического характера говорят, что это не мог быть набор 1858. К примеру, из 1862 в 1883 перешла опечатка «беспокойство, и болезни проч.» (с. 212, строки 35–36) вместо правильного «беспокойство, болезни и проч.». Можно указать ещё на несколько случаев подобного рода.

Вам...» А в следующем письме к нему же, от 24 мая, сообщал: «Я искал везде экземпляра “Обык<о>венной” истории” последнего издания для Вас – и, к сожалению, не нашёл...»²⁰ В том же году А. А. Толстая обратилась к Гончарову с просьбой дать ей почитать «Обыкновенную историю», и вот что писатель ответил ей в письме от 11 августа: «...насилу нашел я экземпляр старого издания 1848 года (у меня в библиотеке моей давно ни одной моей книги нет) у одной дамы, тогда молодой девицы, а теперь пожилой вдовы,²¹ и взял под честным словом возвратить прилагаемую при этом книгу, по миновании надобности».²²

С другой стороны, как свидетельствуют письма Гончарова к М. М. Стасюлевичу, в журнале которого «Вестник Европы» печатался «Обрыв», писатель просил делать дополнительные корректурные оттиски, что для типографии не составляло труда.²³ Очевидно, таков был заведённый им порядок, которому он следовал почти всегда.

Исходя из вышесказанного, мы можем реконструировать события конца 1882 года следующим образом: Гончаров не нашёл последнего издания «Обыкновенной истории» (да, скорее всего, и не помнил, какое издание было последним) и был вынужден воспользоваться первым подвернувшимся под руку текстом. В любом случае, говорить о том, что писатель при подготовке 1883 сознательно выбрал 1862 и что этот выбор явился выражением его творческой воли – не приходится. Не приходится и утверждать, что «правка текста для издания 1883 г. была не меньшей по объёму и не менее значимой в смысловом отношении, чем в предыдущих изданиях» и что в этом издании «с наибольшей полнотой проявилась последняя авторская воля» Гончарова (I, 694). Наш вывод таков:

- 1) выбор источника текста при подготовке 1883 определялся случайными причинами;
- 2) переработка романа была прервана из-за неблагоприятного стечения обстоятельств на самом начальном этапе работы.

Теперь нам следует сказать несколько слов о последнем прижизненном издании «Обыкновенной истории» (1887) и оценить его соответствие творческой воле Гончарова.

По сравнению с 1883 в это издание внесено немногим более пятидесяти изменений. Восемнадцать из них трактованы в ПСС как опечатки и исправлены по предыдущим изданиям. Таким образом, за авторские вари-

---

²⁰ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 461, 466.

²¹ Очевидно, имеется в виду Ю. Д. Ефремова.

²² Лит. наследство. М., 2000. Т. 102. С. 426.

²³ См., в частности: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 66. Приведём любопытное свидетельство, относящееся, правда, к более раннему времени: объясняя, как у него оказались корректурные листы запрещённого цензурой альманаха «Звездочка», 21 февраля 1827 г. О. М. Сомов писал, что «и как последняя только корректура нужна типографии для поправок, то, дабы не смешивать подписанных листов, предпоследняя обыкновенно почти всегда удерживается тем, кто оную просматривает, яко вовсе ненужная...» (Русская старина. 1901. № 11. С. 267).

анты сочтено свыше тридцати изменений. Все они носят такой же характер, как и большинство изменений в 1883: замены форм слова, выпадение мелких служебных слов, инверсии и т. п. Как минимум половина из них, с нашей точки зрения, это обычные опечатки, которые должны быть исправлены. Вот один пример. В реплике Петра Адуева «а там и жена, заметив мужнины проказы, полюбит вдруг каски, парады да маскарады и сделает тебе того...» (с. 245, строки 37–38) в 1887 «парады» заменяются «нарядами». Выходит, что Адуев-старший попрекает женщину за то, что она увлекается нарядами. Но ведь любая женщина в той или иной степени увлекается нарядами, глупо её за это порицать, а уж тем более видеть в этом корень будущей измены. Смысл-то фразы в том, что она будет засматриваться на военных, а делать это, разумеется, удобнее всего на парадах и маскарадах. Это бесспорная опечатка, требующая исправления.

На наш взгляд, следует согласиться с редакцией ПСС, что произведённые в 1887 изменения едва ли можно признать авторскими, и, следовательно, ими пренебречь.

И теперь можно задать главный вопрос, вытекающий из всего вышесказанного: какой текст романа «Обыкновенная история» должен быть признан наиболее соответствующим творческому замыслу, и, следовательно, какое издание должно выбираться в качестве источника основного текста? Авторскую правку для 1883, несомненно, можно признать выражением последней творческой воли Гончарова, но она была не только не завершена, а прервана в самом начале работы. К тому же не очевидно, что выбор в качестве наборного оригинала для издания 1883 текста 1862 (или корректуры этого издания) был сделан Гончаровым осознанно – и это мы пытались показать выше.

С нашей точки зрения, наиболее корректным решением было бы готовить текст «Обыкновенной истории» на основе издания 1868, наиболее удовлетворительного как в творческом, так и в эдиционном аспектах. Переработанное же для 1883 начало романа можно публиковать в приложении. Но если даже идти традиционным путём и брать за основу 1883, то следует освободить текст от искажений 1887 и учитывать только те варианты, которые имеются в первой главе и начале второй. Если такой текст и нельзя будет считать полностью аутентичным, то хотя бы максимально приближенным к нему.

Правительство Ульяновской области
Департамент культуры и архивного дела Ульяновской области
Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова
Музей И. А. Гончарова

И. А. ГОНЧАРОВ

---

*Материалы Международной
научной конференции,
посвященной 195-летию
со дня рождения
И. А. Гончарова*

УЛЬЯНОВСК
2008